

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ъ
АРХИВА ВОСТОКОВЕДОВ

В Ы П У С К
Т Р Е Т И Й

Л Е Н И Н Г Р А Д
ИЮНЬ 1963

Ш И Л Л И Н Г П.Л.

/составил Ч у г у е в с к и й Л.И./

Ш И Л Л И Н Г Павел Львович /фонд 56/

Павел Львович Шиллинг фон Канштадт родился 5/16/ апреля 1786 г. в Ревеле в семье офицера. До 11-ти летнего возраста жил в Казани, куда был переведен по службе его отец. В 1797 г. был принят в Первый кадетский корпус в Петербурге.

В 1802 г., по окончании корпуса, молодой подпоручик был причислен к Генеральному штабу, где проработал немногим более года. В мае 1803 г. семейные обстоятельства вынудили его оставить военную службу и перейти в Коллегию иностранных дел переводчиком русского посольства в Мюнхене, куда его отчим был назначен посланником.

В 1812 г., в связи с обострением отношений России с наполеоновской Францией, Шиллинг вернулся с посольством на родину. Вскоре после начала Отечественной войны он добивается зачисления на военную службу и уходит в действующую армию. За активное участие в боях на французской территории Шиллинг был удостоен боевого ордена, а вскоре и еще одной из почетных наград — саблей с надписью "За храбрость".

После победоносного завершения Отечественной войны ничто больше не удерживало Шиллинга в армии. 28 июня /10 июля/ 1814 г. он подал прошение о возвращении на службу в МИД. Барклай де Толли поддержал его своим рапортом и 3/15/ октября Шиллинг приступил к работе в Азиатском департаменте МИД, где стал заведовать цифирной частью /с 1832 г. экспедиция/. В 1816 г. ему прибавляются обязанности заведующего литографией. С 1827 г. Шиллинг совмещает пост председателя особого комитета, осуществлявшего надзор за деятельностью типографии, печатавшей Полное собрание законов Российской империи. В 1835 г. — назначен старшим советником МИД.

Умер П.Л. Шиллинг 25 июля /6 августа/ 1837 г. в Петербурге.

Павел Львович Шиллинг по праву занимает одно из виднейших мест в истории развития русской науки. Он принадлежит к той плеяде ученых начала XIX века, которая заложила основы отечественной науки в различных ее отраслях.

В русской и зарубежной специальной литературе П.Л. Шиллинг известен главным образом как выдающийся деятель электротехники — изобретатель электромагнитного телеграфа, а также способа воспла-

менения подземных и подводных мин посредством гальванического тока. I/

Представление востоковедов о Шиллинге до настоящего времени ограничиваются более или менее случайными упоминаниями общего характера, как в востоковедческих работах, так и в воспоминаниях его современников.

Однако имя Шиллинга самым тесным образом связано с развитием отечественного востоковедения. Деятельность его в этой области крайне многообразна. Шиллинг хотя и не имел специального востоковедного образования, но живо интересовался литературой и историей, культурой и нумизматикой Востока, а главное, был большим энтузиастом собирания восточных ксилографов и рукописей. Им были собраны письменные памятники по различным вопросам истории, экономики, этнографии, нумизматики, культуры Китая и сопредельных с ним государств и народов Азии.

Своей любовью к собиранию рукописей и ксилографов, которая не угасала до конца его жизни, Шиллинг завоевал заслуженное признание своих современников. И потому не случайным было его избрание в 1827 году /одновременно с Н.Я.Бичуриным/ членом-корреспондентом Российской Академии наук именно по разряду литературы и древностей Востока.

Чтобы представить, какой вклад этот ориенталист-практик внес в историю русской науки и культуры достаточно ознакомиться с сохранившимися его рукописными материалами. Большинство этих

I/ См. список, приложенный к статье П.Гуревича о Шиллинге в "Русском биографическом словаре", т.Шебанов-Щюц, стр.279-280; Д.С. Пашенцев. Россия - родина электрической телеграфии. - "Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР, посвященное истории отечественной науки, 5-11 января 1949 г.", М.-Л., 1949, стр.196-227; А.В.Яроцкий. Павел Львович Шиллинг. М., Госэнергоиздат, 1953, 128 стр.; его же, Павел Львович Шиллинг, 1786-1837, М., Изд. АН СССР, 1963, 183 стр.

документов теперь утратило практическое значение, но в историческом отношении они не лишены научного интереса.

Основные материалы, относящиеся к деятельности Шиллинга в области востоковедения, хранятся в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР. Это — документы, характеризующие его как организатора литографии и собирателя точных ксилографов и рукописей, а также материалы к вопросу о состоянии русско-китайской торговли в 1820-1830 гг., сведения о пограничной линии России с Китаем к востоку от Кяхты и статистические материалы по Забайкальскому краю, относящиеся к поездке Шиллинга в 1830-32 гг. в Сибирь.^{2/}

Значительную часть фонда составляют письма к Шиллингу от Н.Я.Бичурина, А.В.Игумнова, П.Е.Кириллова, О.М.Ковалевского, М.В.Ладыженского, А.В.Попова, Е.Ф.Тимковского, Аввакума Честного и многих других. Кроме писем русских корреспондентов в фонде имеются документы, свидетельствующие, например, о том, что Шиллинг познакомился с Александром Гумбольдтом и установил прочные связи с известными знатоками и пропагандистами восточной литературы, французскими ориенталистами А.Ремюза, С.Жюльеном и другими учеными. Переписка Шиллинга ждет отдельного изучения и освещения.

Имеющиеся в фонде Шиллинга материалы содержат также неизвестные в нашей литературе сведения о серьезной попытке Шиллинга организовать в России издания с восточными текстами.

Первые такие издания с применением китайских, санскритских и арабских знаков впервые в Европе были предприняты Российской

^{2/} Кроме Архива востоковедов материалы Шиллинга имеются в Архиве внешней политики России, в Центральном Государственном историческом архиве СССР в Ленинграде, в Архиве Академии наук СССР и в Центральном музее связи им.А.С.Попова в Ленинграде.

Академией наук еще в работах Т.З.Байера /1694-1738/^{3/}, правда не в виде подвижного набора, а с деревянных клише отдельных слов и начертаний.

Дальнейшее развитие отечественного востоковедения привело к появлению в России таких научных работ, публикация которых требовала применения восточных шрифтов, отсутствовавших в России. Так, например, П.Савельев в одной из своих статей о русских ориенталистах, касаясь, в частности отсутствия возможностей своевременно печатать составленные ими словари, писал, что большая часть членов пекинской миссии "возвращалась в отечество не только с глубокими знаниями в голове, но и с готовыми учеными трудами, которые составили бы немаловажное приобретение для науки, если бы все были изданы в свое время... так, например, арх.Каменский кроме многих других своих трудов о Китае, оставил в рукописи "Китайско-маньчжурско-русский лексикон" в нескольких фолиантах"^{4/}.

Как видно П.Савельеву не было известно, что 2 июня 1817 г. были утверждены "Правила" на основании которых предполагалось приступить к напечатанию этого словаря.

Издание это было возложено на П.Л.Шиллинга, организовавшего в конце 1816 г. при министерстве иностранных дел первую в России литографию.

Пятиязычный "Китайско-маньчжуро-монголо-русско-латинский" словарь Каменского поставил перед Шиллингом вопрос, каким же образом воспроизвести требующиеся для его напечатания маньчжурский;

3/

Theophili Sigefridi Bayeri, Museum Sibiricum, tomus primus, St.-Pb., 1730, pp.1-181; ibid, tomus secundus St.-Pb., 1730, 372 pp.

4/См. П.Савельев, Восточные литературы и русские ориенталисты, - "Русский вестник", 1856, март, стр.120.

монгольский и особенно китайский тексты.

Европейцы, предшественники Шиллинга, в известной степени повторяли опыт китайцев, т.е. применяли резьбу или на дереве - способ медленный и к тому же несовершенный, или резьбу на меди - способ слишком дорогостоящий. В отличие от них Шиллинг пошел своим путем. Он решил прибегнуть к новому способу, который по его мнению больше всего соответствовал природе китайской письменности - к только что зарождавшейся тогда литографии. Здесь, пожалуй, уместно упомянуть, что в Китае литография получила распространение только в последней четверти XIX в. Впервые она была применена миссионерами в 1874 г.^{5/}

В материалах Шиллинга имеются документы воссоздающие как историю организации литографии так и процесс подготовки восточных шрифтов для этого словаря.

Из документов сохранились: "Правила на основании коих предполагается приступить к напечатанию китайского словаря, сочиненного коллежским асессором Каменским", "Примерное исчисление, во что может обойтись напечатание словаря...", "Повествовательное начертание средств представляемых Англиею к напечатанию...", записка А.Ремюза по поводу типографских возможностей Франции, отзывы и замечания на этот словарь Н.Я.Бичурина, Сильвестра де Сасси, А.Ремюза и других лиц.

Сохранившиеся пробные оттиски первых страниц словаря свидетельствуют об упорном стремлении Шиллинга усовершенствовать технику воспроизведения восточных знаков, а переписка позволяет установить имена гравиров-литографов, специализировавшихся на воспроизведении китайских /Христиан Кек/, маньчжурских и монгольских

5/ 中國近代出版史料二編, 上海, 1954年, 第423頁

/Материалы по истории печати в Китае в новое время, Шанхай, 1954 г. П., стр.423/

их /Федор Иванович Гасс/ литер.

Многие материалы могут служить источником для выводов почему же этот словарь, несмотря на очень удачные опыты Шиллинга, все же не был напечатан.

Опыты Шиллинга в процессе подготовки издания словаря Каменского создали условия для напечатания в виде пробы небольшого по объему памятника китайской литературы. Выбор пал на "Сань цзы цзин" как содержащий в себе небольшое количество знаков /I.068/.

В сохранившейся части архива Шиллинга находятся материалы связанные с его изданием. Это отдельные листы опытных оттисков и калькированный макет иероглифического текста, а также обширная переписка, которая, кстати, позволяет исправить укоренившееся в нашей литературе ошибочное мнение, что Шиллинг только "в 1829 г. разработал особый литографский способ воспроизведения китайских текстов, который **впервые** применил при печатании переведенного Н.Я.Бичуриным китайского "Троесловия".^{6/} Действительно, как показывают архивные документы, первым литографированным изданием на китайском языке в России было "Троесловие", но только не бичуринское 1829 года^{7/}, а отдельное самостоятельное издание "Сань цзы цзин", выполненное тем же Шиллингом, но десятью годами раньше - в 1819 году.

Один экземпляр этой книжки хранится в фондах Государственной Публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина.^{8/} По своему внешнему виду он ничем не отличается от китайских изданий. Листы с текстом отпечатаны на одной стороне, сложены пополам и сшиты у

^{6/} Биографический словарь деятелей естествознания и техники, М., 1959, т.2, стр.378.

^{7/} См. Сань цзы цзин или Троесловие с литографированным китайским текстом. Переведено с китайского монахом Иакинфом, СПб., 1829, печатано в типографии Х.Гинца.

^{8/} Рукописный отдел ГПБ, ф.Дорн-835.

обрезов сторонами противоположными месту сгиба. Шиллинг позаботился даже воспроизвести полное подобие китайской бумаги. Для этого на фабрике Ольхина, находившейся под Петербургом в Бело-острове, специально была заказана бумага "на китайский манер".

В переписке Шиллинга находятся самые восторженные отзывы о технических достоинствах этого издания. Наиболее ранним из них является сохранившееся письмо А.Монтуччи от 22 ноября 1819 г., который писал, что "получив экземпляр Сань цзы цзина на китайской бумаге, принял его за издание, отпечатанное в Китае, и при том за одно из самых превосходных изданий, какое только может быть выполнено в этой стране. Я поражен, убедившись, и при том так, что не остается ни малейшего сомнения, что издание выполнено в Европе и человеком, который два года назад не имел еще представления ни об одной китайской букве! Мне никогда не приходилось видеть ни одной страницы, напечатанной в Европе, которую можно было бы, хотя бы и в слабой степени, сравнить с этим шедевром китайской печати. Тщательность исполнения и красота вызвали бы удивление даже у знатока-китайца".^{9/}

В унисон Монтуччи звучит и отзыв А.Ремюза, который, отметив совершенство издания, писал Шиллингу: "если к Вашему способу, уже примечательному по своим достоинствам, присоединить преимущество быть продуктивным и недорогостоящим, то Вы сможете тогда обольщаться тем, что оказали самую знаменательную услугу лицам, занимающимся китайской литературой - размножение текстов было единственным средством, которого им недоставало..."^{10/}.

Удача с напечатанием "Сань цзы цзина" натолкнула Шиллинга на мысль осуществить издание еще двух других памятников китайской

^{9/} Архив АН СССР, ф.85, оп.3, ед.хр.65, лл.5

^{10/} Архив востоковедов, ф.56, ед.хр.67, лл.106.

литературы. Он привел в полное замешательство "неверующих" тем, что издал в еще лучшем виде в 1823 г. книги "Дасюэ" и "Чжун юн", выглядевшие куда элегантнее, чем "Сань цзы цзин".^{II/}

Как свидетельствуют архивные материалы издание "Дасюэ" и "Чжун юн" было не простым повторением опыта "Сань цзы цзин", а поиски новых возможностей усовершенствовать технику литографирования китайских текстов. Обе книжки существенно отличаются от "Сань цзы цзина" не только своим внешним видом, но и техникой исполнения. Если текст в "Сань цзы цзин" был выгравирован стандартными знаками "чжэнтисы", то в "Дасюэ" и "Чжун юн" уже более сложным - "кайшу".

В хранилище китайских ксилографов Ленинградского отделения института народов Азии АН СССР сохранилось по одному экземпляру этого издания. Напечатаны они на веленовой бумаге, первоначально предназначавшейся для отдельных 50-ти экземпляров словаря Каменского. По одному экземпляру хранится также в Государственной Публичной библиотеке.^{12/} В отличие от первых они выполнены на упомянутой бумаге "на китайский манер", и, что очень существенно имеют дарственную надпись Шиллинга П.К. Сухтелену, в то время как все обнаруженные нами экземпляры, как правило, анонимны.

Другие материалы архива Шиллинга свидетельствуют о том, что он занимался также подготовкой к изданию тибетских книг. Для этого специально начал заниматься изучением тибетского языка и письменности. Уже среди материалов 1824 г. мы находим "Тибетско-латинский словарь", начатый Шиллингом в Милане 7 июля.

Как видно из документов, при освоении печатания тибетских литер,
^{II/}См. Азиатский вестник, 1825, кн. IV, стр. 370.

^{12/}Рукописный отдел ГПБ, "Дасюэ", Дорн-733, "Чжун юн", Дорн-734.

Шиллинг не ограничивался достигнутыми успехами, а продолжал и дальше совершенствовать технику воспроизведения знаков. Так, например, в бытность свою в Кяхте в 1830 г. он поручил Гассу отпечатать золотом текст тибетской молитвы. В порядке опыта было сделано 10 экземпляров, 9 из них - бронзой, а один золотом. По указанию Шиллинга печатание было произведено не на увлажненной, как обычно, бумаге, а на сухой, но "первый пробный отпечатанный на сухой бумаге экземпляр, когда был натерт бронзой и высох, то совершенно не годился никуда, ибо начала лупиться, но чтоб без мочки бумаги хорошо держалась литографическая краска гг. Гассом и Рахониным изобретено удачное средство о котором я умалчиваю, - писал один из сотрудников Шиллинга, С. Иванов, - для того, чтобы /доставить/ узнать угадаете ли Вы на Кяхте какое средство было ими употреблено ?" ^{13/}

Там же, в Кяхте у Шиллинга возник план издать факсимиле индекса к Данджур и Ганджур. Для этой цели он привез с собой в Петербург бурята, которому поручил копирование индекса. Работа этим бурятом была завершена в 1833 г. и сохранилась в виде пяти томов среди материалов Шиллинга. ^{14/} По образцам рукописей его коллекции уже были подготовлены образцы тибетских литер, но осуществить издание не удалось в связи с возвращением бурята на родину.

^{13/} Архив востоковедов, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 16, л. 1 об. - 2.

^{14/}

Index du Dandjour . Imprime dans le Couvent de Poutala pres de H'lassa dans le Tibet. Compose par le Baron Schilling de Canstadt. Systematique, vol. I-2, Kiakhta, 1831, 462 pp; Ibid, vol. 3, Systematique Alphabetique, 420 pp; Index systematique du Dandjour de Poutala, 363 pp; Index Alphabetique du Dandjour de Poutala, 202 pp; Index du Gandjour. Imprime dans le Couvent de Tchoni dans le Tibet. Compose par le Baron Schilling de Canstadt. Systematique et alphabetique, Kiakhta, 1831, 297 pp.

Хранится в Архиве востоковедов - ф. 56, оп. 7 ед. хр. 174-178

Написанное к этому индексу "Предисловие"^{15/} является единственной известной нам печатной работой Шиллинга и в рукописи пока не обнаружено.

Из сочинений на тибетском языке по образцам Шиллинга были напечатаны две работы.^{16/}

В Архиве востоковедов сохранились также материалы, свидетельствующие об опытах Шиллинга в литографировании персидского, арабского, грузинского, японского и даже /авестийского ?/ текстов. По времени они относятся примерно к 1823 г. Необходимость в них во всей вероятности подсказывалась Шиллингу практическими интересами МИД.

Успехи университетского преподавания персидского и арабского языков, введенных в Казанском и Петербургском университетах, были признаны недостаточными для специальных целей министерства. Поэтому в 1823 г. при Азиатском департаменте МИД было создано Учебное Отделение восточных языков, главной целью которого ставилось практическое усовершенствование в знании разговорного и письменного языков турецкого, персидского и арабского.^{17/} Опыты Шиллинга могли быть вызваны потребностью в учебных пособиях для слушателей организованного Отделения.

Среди оттисков на этих языках, выполненных под руководст-

^{15/} *Bibliothèque bouddhique ou Index du Gandjour de Nartang, compose sous la direction du Baron Schilling de Canstadt. Avant-propos. (Du le 26 novembre 1847). - "Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Academie Imperiale des sciences de Saint-Petersbourg", Tome IV, N 22, pp. 322-339.*

^{16/} *Smon-lam-btschu-tham-abyor-bai-smon-bsngo-ba. Ein tibetisches Gebetbuch, Leipzig, 1835 ; Das ehrwürdige Mahajanasutra mit Namen: "Das unermessliche Lebensalter und die unermessliche Erkenntniss", St. Petersburg, 1845.*

^{17/} См. Очерки по истории министерства иностранных дел. 1802-1902, СПб., 1902, стр. 96.

вом Шиллинга, в фонде сохранились первые листы из "Шахнамэ" и "Панд-намэ", а также тексты из Корана и образец персидского частного письма. Вероятно, под его же руководством был выполнен, сохранившийся в бумагах Шиллинга, персидский текст мирного договора между Россией и Персией, ратифицированный в 1826 г. в Москве и приложение к этому договору на турецком языке.

К сожалению, архивные материалы не позволяют установить полный перечень печатной продукции Шиллинга. Помимо перечисленных выше названий, как сообщал в свое время А.Ремюза, Шиллинг "издал также золотым тиснением по голубому полю текст публичного чтения, преподанного Богдо-ханом Киа-Кингом /Цзя цином, -Л.Ч./ о первой статье /фразе/ Тай-Гю /Дасюэ, -Л.Ч./; также книжку содержащую в себе 15 дипломатических сношений, писанных Татарскими князьями к Пекинскому двору на китайском и уйгурском языках".^{18/}

К свидетельству А.Ремюза, дополняющему список известных нам изданий, следует привести и выдержку из отчета М.И.Броссе, где сказано, что Шиллинг начал "печатание сочинения, которое было еще без заглавия. Автор этого отчета видел сии опыты в числе оставшихся после него /П.Л.Шиллинга, -Л.Ч./ вещей поступивших в Этнографический музей:^{19/} остается пожелать, чтобы они были сохранены, дабы могли служить образцами тем, которые занимаются решением задачи печатать китайские книги по возможности с меньшими издержками".^{20/}

Наконец, следует коснуться сведений, открывающих еще одну сторону в литографической деятельности Шиллинга - это выполнение

^{18/}См. Азиатский вестник, 1825, кн. IV, стр. 371.

^{19/}Наши поиски этого сочинения среди сохранившихся в Музее Этнографии АН СССР коллекций Шиллинга не принесли желаемых результатов.

^{20/}См. Отчет экстраординарного профессора М.И.Броссе о китайской библиотеке Азиатского музея имп. Академии наук. - Журнал Министерства Народного Просвещения, 1841, т. XXX, отд. III, стр. 4

им картографических изданий. К сожалению, в архиве не сохранились какие-либо экземпляры работ подобного типа. Однако имеющиеся в документах несколько косвенных упоминаний позволяют сделать вывод, что Шиллинг безусловно производил опыты и в издании литографическим способом восточных карт и планов.^{21/}

Так, например, А.Ремюза в одном из своих писем от 8 января 1820 г., выражая Шиллингу благодарность за присланное ему издание "Сань цзы цзин", писал: "На карте /подчеркнуто мной - Л.Ч./ в которую был завернут пакет безусловно не по о п л о ш н о с т и, а для того, чтобы скользнуть по ней глазом, и увидеть множество маньчжурских знаков. Вы позволили мне заключить, что занимаетесь параллельно и этой частью восточной типографии..."^{22/}.

Заканчивая обзор материалов, отражающих литографическую деятельность Шиллинга, следует подчеркнуть, что сохранившиеся документы не дают окончательного ответа на вопрос о сущности технических секретов Шиллинга. И вряд ли удастся узнать их, пока не будет обнаружено описание способа воспроизведения восточных текстов, если такой вообще когда-либо существовал.

Для сохранившихся архивных документов Шиллинга характерно, что все его технические опыты как в области литографии, так и телеграфии не нашли своего отражения в каких-либо специальных записях описательного типа. Так, например, "Описание электромагнитного телеграфа Шиллинга" было составлено по черновикам недавно обнаруженных писем и опубликовано только в 1956 году.^{23/}

^{21/} Литографирование карт Шиллингом вообще производилось. Так, на карте военных действий в период Отечественной войны 1812 г., приложенной к первой книжке "Военного журнала" за 1817 г. значится: "Гравировано на камне и отпечатано в Литографическом заведении Государственной Коллегии Иностранных дел в С-т Петербурге в 1817 г."

^{22/} См. Архив востоковедов, ф.56, оп.2, ед.хр.67, л.2

^{23/} См. Вопросы истории естествознания и техники. М., 1956, вып. I, стр.246-250.

Некоторые сведения по вопросу о технике воспроизведения китайских знаков нам дают воспоминания Н.Греча, который писал, что Шиллинг "не ограничивался обыкновенною литографией, а старался усовершенствовать и приложить к новым производствам" и с этой целью "вздумал воспроизводить китайские письма посредством литографии не простым рисованием их на камне, а произведением выпуклых букв, которые потом отпечатывались на обыкновенных типографских станках..., вытравливал он поверхность камня, оставляя только именно то, что покрыто начертанием писмен" и "никто в целой Европе не мог догадаться, как это делается".^{24/}

Воспоминания Греча дополняются свидетельством М.И.Броссе, который писал, что Шиллинг "вздумал испытать еще другие средства. Он приказал вырезать на дереве доски на подобие китайских, оттиснул на них другие *en creux*, без сомнения из алебаstra, а потом отлил в эти матрицы массу, подобную нашим типографским буквам. Каждая строка отлита была особо и все они были потом соединены вместе, сверстаны, и этими-то рельефами, отличавшимися особенною чистотою, начал он печатание...".^{25/}

Сохранившиеся в фонде Шиллинга оттиски различных текстов свидетельствуют только о том, что маньчжурские и монгольские знаки печатались с набора, а все остальные, в том числе и китайская иероглифика, несмотря на попытки создать подвижной шрифт, все же воспроизводились с литографического камня.

Следующая группа материалов архива Шиллинга относится к его поездке в 1830-32 гг. в Сибирь, на границу с Китаем.

^{24/} Н.Греч, Павел Львович Шиллинг, - "Северная Пчела", 1853, № 142, стр.568.

^{25/} Отчет экстраординарного профессора М.И.Броссе о китайской библиотеке Азиатского музея имп.Академии наук, - Журнал Министерства Народного Просвещения, 1841, т.XXX, отд.Ш, стр.4.

Шиллинг был командирован для разрешения острого и наболевшего в то время вопроса, связанного с распространением в Забайкальском крае буддизма и вытекающим отсюда непрерывным увеличением количества лам.^{26/}

Поскольку в то время деятельность лам лишь косвенно попадала под утвержденный в 1822 г. "Устав об управлении инородцами", а отсутствие "для управления духовенством монголо-бурят ... твердых законоположений" пугало сибирские власти тем, что если и ныне "всю власть управления монголо-бурятским духовенством предоставить бандидо-хамбо-ламе, то он не упустит /случая/ усилить еще более средств к распространению буддизма",^{27/} в результате министерство иностранных дел вынуждено было командировать чиновника для обследования положения ламаитов на месте. Выбор пал на Шиллинга, он должен был подготовить проект "Устава", который способствовал бы пресечению своевольных действий ламайского духовенства путем установления для них самых строгих правил и ограничил бы тем самым произвольное посвящение новых лам без ведома местных властей.

В поездке по Сибири Шиллинга сопровождал Н.Я.Бичурин. Энциклопедические знания последнего и прекрасная осведомленность в местных условиях значительно способствовали успеху экспедиции. От иркутского губернского управления к экспедиции был прикомандирован В.Д.Соломирский, имевший поручение собирать и готовить все необходимые Шиллингу сведения по материалам имевшимся в местном архиве.

^{26/} К моменту поездки Шиллинга, несмотря даже на образование в 1810 г. Управления духовными делами, а в 1817 г. - Министерства духовных дел и народного просвещения, "заведование инородцами" попрежнему оставалось в ведении МИД. Только после 1841 г. эти "второстепенные" для МИД вопросы были переданы в ведение Министерства внутренних дел.

^{27/} ЦГИАЛ, ф.1264, оп.1, ед.хр.284, л.187 об.

Выехав в мае 1830 г. из Петербурга, Шиллинг почти два года провел в разъездах по всем местным дацанам Забайкальского края и провел там ревизию.^{28/}

От этой поездки среди бумаг Шиллинга сохранились разнообразные статистические сведения: "Списки лам Хоринских дацанов также и сметы оных", перечни названий дацанов с указанием количества комплектных и некомплектных лам и ховараков, различные "ведомости" о числе душ, о состоянии кумирен, а также обширная переписка с представителями духовенства по вопросу выработки проекта устава.

Сам "Проект устава для монголо-бурятского духовенства" сохранился в фондах Центрального Государственного исторического архива СССР в Ленинграде в делах Сибирского Комитета.^{29/} Черновые материалы к нему, где, кстати, имеются и рукописи Н.Я.Бичурина, хранятся в Архиве Академии наук СССР, в фонде Я.Шмидта.^{30/}

Помимо изучения вопроса о положении монголо-бурятского духовенства, Шиллинг имел еще одно поручение - обследовать состояние торговли на русско-китайской границе. Русское правительство, стремясь к развитию торговых отношений с Китаем заинтересовано было в принятии мер, которые активизировали бы торговлю через Кяхту, регламентировавшуюся договором 1728 г. Действия кяхтинских купцов при производстве торгога с китайцами ограничивались особыми "правилами", изданными русским правительством в 1800 г., согласно которым к торговле допускались определенные категории

^{28/} См. П. Л. Шиллинг. "Роспись разным поездкам сделанным по делам службы в бытность мою в Восточной Сибири в 1830 и 1831 годах" - Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, ед. хр. 27.

^{29/} См. "Проект устава для монголо-бурятского духовенства. Составлен в Министерстве иностранных дел в 1832 г. бароном Шиллингом". Том в переплете, размер 35х21,5 см. Русский текст лл. I-64, монгольский - 65-106. Содержит XXIV гл., 287 §§. Шифр: ф. I264, оп. I, ед. хр. 311.

^{30/} См. Архив АН СССР, ф. 785, оп. I, ед. хр. 45-48.

лиц, а все их операции регулировались со стороны купеческих "компаний". От мер предусмотренных в этих правилах ожидалось постепенное улучшение торговли, но вопреки всем ожиданиям в правительстве шли постоянные жалобы на все заметный упадок, который приписывался слабому таможенному надзору, несоблюдению купцами условий определявшихся компаниями, а также несоразмерному завозу товаров.

В сохранившейся в фонде "Записке о прежнем и нынешнем положении Кяхтинской торговли" Шиллинг предлагал в основном сохранить существующую систему, а относительно поднятого в то же время вопроса о введении свободной торговли, высказал мнение отложить его решение "до того времени, пока в Англии не кончатся прения, касательно введения свободной торговли в Кантоне", после которых мол "меры, какие приняты будут Великобританским правительством, также и влияние оных на самый ход торговли, покажут преимущество, которое должно дать той или другой системе".^{31/}

Кроме упомянутой выше записки Шиллинга в фонде имеется еще ряд документов, относящихся также к вопросу русско-китайской торговли через Кяхту. Это в основном, повидимому, докладные записки местных купцов поданные в свое время в канцелярию иркутского губернатора и извлеченные В.Д.Соломирским для Шиллинга.

Среди них записки: [Д.С.Аскашева] "О торговле с Китаем" /16 лл./ [Котельникова] "Записка о методах торговли, ведущейся в Кяхте" /5 лл./, [Маслова] "Замечания о китайской торговле в Кяхте" /8 лл./, [Мейендорфа] "О Кяхтинской торговле" /34 лл./, [Кузнецова] "О торговле с китайцами" /19 лл./ и докладная записка /В.Д.Соломирского П.Л.Шиллингу ?/ с "некоторыми замечаниями Российского купечества о настоящем состоянии Кяхтинской меновой торговли" /18 лл./, а

^{31/} См. Архив востоковедов, ф.56, оп.1, ед.хр.1, л.31.

также "Записка, составленная в 1831 г. о купцах первой гильдии, производивших на Кяхте торговлю в 1810 году" и несколько "Ведомостей о выменных в Кяхте ... товаров".

Однако кроме Кяхты существовал ряд пограничных пунктов, где также производились торговые сношения; не предусмотренные никакими трактатами. Велась эта торговля тайно, без ведома обеих правительств.

Шиллингу было поручено, проехав вдоль границы от Акши до Большого Нерчинского завода, определить характер и объем тайных меновых торгов. Обследовав этот участок русско-китайской границы, Шиллинг в своей "Записке о тайном промене скота на границе Нерчинского округа" пришел к выводу, что поскольку объем торговли не превышает потребностей местного населения, то следует "не только оставить оную в ее настоящем **востоянии**, но даже некоторым образом допустить беспощинное производство оной".^{32/}

Поездка Шиллинга вдоль границы отражена в фонде также документами, содержащими некоторые сведения о пограничной линии России с Китаем. Среди них: - записка /Шиллинга ?/ "О положении китайской границы от Кяхты к востоку" /6 лл./ с данными о расположении, структуре и составе китайских пограничных частей, стоящих против русских крепостей, "Наименование российских и китайских караулов, расположенных по ведомству Цурухайтуевского отделения" /2 лл./, а также копия "Ведомости о состоящих на китайской границе российских пограничных караулах, редутах, форпостах, крепостях и о находящейся при оной страже" /12 лл./ с указанием даты их основания, расстояния между ними и названиями "караулов китайских против российских состоящих".

^{32/} См. Архив востоковедов, ф. 56, оп. I, ед. хр. 2, л. 7.

Особое внимание правительства привлекала также и неофициальная караванная торговля через Чугучак и Кульджу, принявшая более организованную форму. Отсутствие соответствующих данных и сведений о ней, а также возможные перспективы развития ее независимо от Кяхтинской, повидимому и побудили министерство иностранных дел поручить Шиллингу на обратном пути в Петербург собрать доступные о ней материалы. Состояние здоровья не позволило, однако, Шиллингу самому проехать к западным границам Китая, а потому эту часть задания он препоручил участнику его экспедиции Н.Я. Бичурину, который исполнил его "с примерным усердием и прозорливостью".^{33/}

В личном архиве Бичурина хранится фрагмент "Записки", в которой он приводит краткие сведения о производящейся на западной границе торговле. Наблюдения Бичурина легли в основу отчета Шиллинга по этой части его экспедиции.^{34/} Для более детального изучения вопроса Шиллинг предлагал специально отправить с одним из караванов в Чугучак и Кульджу Н.Я.Бичурину, который по его мнению смог бы не только "доставить нам о сей торговле дальнейшие и основательные сведения", но и использовать эту поездку для собирания исторических материалов о западной части Средней Азии, что принесло бы "ученому свету существенную пользу".^{35/}

Участие Н.Я.Бичурина в экспедиции Шиллинга способствовало тому, что деятельность ее вышла далеко за пределы поставленных перед ней задач. Как сам руководитель - П.Л.Шиллинг, так и его помощник Бичурин, не ограничились своею миссией выполнением возложен

^{33/} Выписки из донесения П.Л.Шиллинга в Министерство иностранных дел от 24 июля 1832 г.- Архив востоковедов, ф.7, оп.1, ед.хр.37-5.

^{34/} П.Л.Шиллинг, Записка о торговле с Китаем на западных пределах Чжунгарии, 1832, рукопись, почерк писарский, размер 34x22,8 лл.- Архив востоковедов, ф.56, оп.1, ед.хр.3, 8 лл.

^{35/} См. там же, л.18.

ных на них административно-политических функций, а сумели сочетать их со своими научными интересами.

Характеризуя, например, деятельность Бичурина в период пребывания в Кяхте, Шиллинг писал в своем отчете: "Сверх занятий по должности он не оставлял в восемнадцатимесячное пребывание в Кяхте продолжать и ученые свои труды. Во первых, он окончательно отдал свой перевод Истории Тибета и Хухунора с китайского языка, который я имею честь при сем представить;^{36/} во вторых, при упражнении в монгольском языке перевел словарь Сань хэ бянь лань, изданный на трех языках: маньчжурском, монгольском, китайском и расположил его по монгольскому алфавиту; в третьих успешно положил в Кяхте первое основание училищу китайского языка...".^{37/}

Научные интересы самого Шиллинга в этой поездке в основном были подчинены собиранию восточных рукописей и ксилографов. К моменту поездки в Сибирь у Шиллинга была уже огромная коллекция. Сохранившиеся в фонде каталоги дают довольно четкое представление о его библиотеке, насчитывавшей в общей сложности более 2000 томов восточных сочинений, среди которых были единственные в своем роде произведения, не имевшиеся ни в одном из европейских собраний.

Наиболее богато и полно была представлена лингвистическая часть собрания, содержащая главным образом словари на китайском, маньчжурском, тибетском и монгольском языках, затем шли произведения на китайском и маньчжурском языках - по истории и географии, философии, математике и астрономии, по естествознанию и медицине, исторические и другие романы, сочинения смешанного содер-

^{36/} "История Тибета и Хухунора. С 2282 года до Р.Х. до 1227 г. по Р.Х. С картой на разные периоды сей истории. Переведено с китайского монахом Иакинфом", СПб., 1833, чч. I и 2, 258+259 стр.

^{37/} Выписки из донесений П.Л. Шиллинга в Министерство иностранных дел от 24 июля 1832 г. - Архив востоковедов, ф.7, оп. I, ед.хр. 37-5.

жания, коллекция богословских сочинений на китайском языке католических миссионеров, японские произведения, преимущественно нумизматического и географического содержания, а также сочинения на тибетском, монгольском и индийском языках.

Комплектование этой коллекции в значительной степени производилось через посредство членов русской духовной миссии в Пекине. Так, например, сохранившиеся в фонде документы говорят о том, что Шиллинг во многом обязан стараниям Петра Каменского, Николая Вознесенского, Захара Леонтьевского, Аввакума Честного и других, которые, будучи в Китае, специально занимались выполнением его заказов.

Некоторую долю в собрании Шиллинга составили также приобретенные им коллекции известного монголоведа А.В.Игумнова и переводчика Парышева. Нельзя обойти молчанием и добровольные приношения, поступившие в коллекцию Шиллинга и от ряда членов миссии, и других частных лиц. Так, например, П.Кириллов, врач миссии, являвшийся одним из многочисленных корреспондентов Шиллинга, которые в своих письмах из Пекина информировали его о событиях текущей жизни в Китае и сообщали различные сведения о быте, истории и культуре страны, писал в одном из своих писем: "прошу ... принять и гостинец китайской: шесть томов в императорском переплете на монгольском языке истории монгольских и татарских князей...^{38/} Владельцы таких небольших коллекций, безвозмездно передавая Шиллингу свои книги, обычно выражали уверенность в том, что унего они найдут большее применение.

Четкая классификация коллекции и сохранившиеся в фонде отдельные фрагментарные записи Шиллинга свидетельствуют о том, что его собрание представляло собой хорошо систематизированную библи-

^{38/}См. Архив востоковедов, ф.56, оп.2, ед.хр.21, л.1.

отеку, которой пользовались в своей практической и научной работе не только сам владелец, но и все желающие русские ориенталисты. Охотно представляя редкие и ценные рукописи своим соотечественникам, Шиллинг удовлетворял и просьбы европейских ученых, высылая **ва** временной пользование интересующие их книги.

В 1830 г., когда встал вопрос об организации при Петербургском университете Отделения восточных языков, академики Френ и Шмидт выразили пожелание, чтобы собрание Шиллинга "перестало быть только кабинетом редкостей, а вместо того сделалось достоянием казны дабы приносить в институте посвященном на обучение юношей восточным языкам, всю ту пользу, какую справедливо можно ожидать от оногo".^{39/} Однако по стечению ряда обстоятельств эта коллекция не вошла в состав университетской библиотеки и в 1835 г. была передана Азиатскому музею Академии наук.

Решившись на продажу библиотеки накануне своей экспедиции в Сибирь, Шиллинг повидимому надеялся обеспечить себя средствами для комплектования новой коллекции. Собираание рукописей и ки-лографов в условиях того времени было связано с большими трудностями. Незадолго до поездки в Сибирь А.В.Игумнов писал Шиллингу: "... здесь как и по всей китайской границе тангутские /тибетские/ и особенно монгольские книги редки и поэтому очень дороги так, что разве по одному тесному знакомству и нужде по случаю, можно их доставать, но чтобы кто объявлял их в продажу, того я не слышал. Китайцам же торгующим на Кяхте привозить туда и продавать нам **запрещается**".^{40/}

Поскольку поездка Шиллинга не простиралась дальше Забайкаль-ского края, то закупку книг в Китае он опять должен был поручить

^{39/} ЦГИАЛ, ф.785, оп.12, ед.хр.428, л.6 об.

^{40/} Архив востоковедов, ф.56, оп.2, ед.хр.17, л.1 об.

членам миссии, а сам ограничился розысканием их в крае. Здесь Шиллингу удалось все же собрать значительное количество монгольских и тибетских произведений. Среди приобретений, составлявших гордость самого Шиллинга, был комплект Ганджура.^{41/}

Успеху Шиллинга в собирании рукописей и ксилографов среди монголов, которые по мнению В.П.Васильева "не согласились бы выпустить их из своих рук, тем более, что между ними много заветных, которых набожный лама и не покажет профану"^{42/} способствовало вероятно то влияние и доверие, которыми Шиллинг пользовался среди них. Возможно, что Шиллинг в какой-то степени расположил к себе монголов составлением вполне приемлемого для них проекта "Устава", а также и тем, что изобретенный им способ воспроизведения восточных текстов прельщал возможностью организовать более продуктивное издание буддийских сочинений и молитв.

Собранная во время экспедиции в Сибирь вторая коллекция Шиллинга впоследствии также поступила в Азиатский музей. По своему объему это собрание значительно превосходило первое. Оно насчитывало более 4.800 томов. Подробное описание этой коллекции было сделано Шмидтом и Бичуриным. Первый описал тибетско-монгольскую часть^{43/}, а второй произведения на китайском, маньчжурском, японском и корейском языках. Описания книг сделанного Бичуриным, к сожалению, обнаружить пока не удалось. Однако из предварительного обозрения, сделанного до Бичурина М.И.Броссе явствует, что оно насчитывало 3.983 тетр.^{44/}

Заканчивая обзор рукописного наследия Шиллинга, следует

^{41/} "Русская старина", 1878, т.23, стр.633

^{42/} В.П.Васильев, Записка о восточных книгах в С.Петербургском университете, - "Русский вестник", 1855, т.XI, стр.322.

^{43/} Архив АН СССР, фонд 2, оп.1, ед.хр.3, лл.19-22.

^{44/} См. там же, л.31.

подчеркнуть, что всей своей деятельностью он способствовал созданию базы для дальнейшего развития отечественного востоковедения.

Побуждаемый стремлением обогатить востоковедение новыми произведениями на восточных языках, Шиллинг составил свои коллекции не из случайных приобретений, а в результате планомерных и многолетних поисков, осуществлявшихся при непосредственном участии многих китаистов. Заняв достойное место в рукописных фондах Академии наук, они и сегодня продолжают служить ценным источником для научных изысканий в самых различных областях китаистики, монголоведения и тибетологии. Однако, нельзя без сожаления не упомянуть и о том факте, что более поздние поступления в Азиатский музей коллекций А.О.Ивановского, П.А.Дмитревского и других сохранили имена своих собирателей, а ценное во всех отношениях собрание Шиллинга вошло в состав хранилища китайских ксилографов ИО ИНА под общим названием "коллекция Броссе"^{45/}, за-слонив тем самым роль их собирателя в деле развития отечественного востоковедения.

То же бескорыстное отношение Шиллинга к науке, побудившее его к организации изданий с восточными текстами трудов русских востоковедов или приобретенных им письменных памятников, не нашло в те годы ни поддержки, ни достойного продолжателя, отодвинув тем самым на многие годы решение такого важного для востоковедения

^{45/} З.И.Горбачева, Китайские ксилографы и старопечатные книги собрания института востоковедения Академии наук СССР, - Ученые записки Института востоковедения, М.-Л., 1958, т. XVI, стр. 309-351; ее же, Китайские географические сочинения из коллекции рукописей и ксилографов Ленинградского Отделения Института востоковедения АН СССР, - Страны и народы Востока, М., 1959, вып. I, стр. 286-294; ее же, Китайские медицинские труды в коллекции Ленинградского Отделения Института народов Азии Академии наук СССР, - Страны и народы Востока, М., 1961, вып. II, стр. 243-250.

дения вопроса.

Вклад Шиллинга в отечественное востоковедение до сих пор остается "белым пятном" в истории нашей науки. Задача востоковедов — изучить его наследие и дать правильную и всестороннюю оценку деятельности Шиллинга в этой области.